



Soda
Press

Ксения Наймушина

Я УМРУ
МАЛЕНЬКОЙ
ДЫРОЙ?

SODA PRESS

Москва, 2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
H20

Книга издана с согласия автора

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя

Наймушина, Ксения.
H20 Я умру маленькой дурой? : [роман] / Ксения Наймушина. — Москва : Soda Press, Эксмо, 2026. — 288 с.

ISBN 978-5-04-222558-1

2008 год. Капризная Варя уезжает на каникулы в Карелию — погостить у бабушки в деревне. Ей 16 лет, в наушниках играют хиты MTV, она жаждет приключений и летних романов, но строгий папа не даёт и шагу ступить без его ведома.

Наперекор отцу Варя сбегает из дома — к деревенскому шалопаю. Но вместо желанного освобождения оказывается на необитаемом острове. В самый разгар Русальной недели — разгула нечисти.

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

© Ксения Наймушина, 2024
© Издание, оформление.
«Издательство Эксмо», 2026.
Soda Press.
Cover art © by Ionomycin, 2024

ISBN 978-5-04-222558-1

ВВЕДЕНИЕ

Страшно ездить к бабушке.

Она живёт в старинной деревне на юге Карелии, где, как в котле, смешались языки и культуры: ругаются матом и поют здесь на вепсском, смотрят новости на карельском, в школе учат финский, говорят на русском и празднуют славянские праздники, а в лесу, бывает, ведут себя как язычники.

Деревня эта стоит на берегу озера. Озеро синее-синее, широкое, глубокое — всего в километре от дома. Только шагать к нему надо через груду чёрных головёшек (дом у тропинки сгорел до основания), и старый колодец (в нём утопили рыбаков из-за денег), и обязательно через лес («медведь там Лёшку прошлым летом на дерево загнал — хорошо хоть друг с ружьём примчался на выручку. Да ты не бойся, они у нас к людям редко выходят. Вон в соседней деревне — другое дело: медведь поленья таскал со дворов — строил из них берлогу на чём-то участке, а местные всё лето из домов боялись выйти. У нас-то не так. Лёшке просто не повезло. Я тебе рассказывала, как с огромным лосем нос к носу столкнулась?»).

Страшно спать в деревенском доме. Он полон чудес и бабушкиных сокровищ. Вот только старый, хрупкий (не то что городские громады из кирпича), с замком, который можно вскрыть на раз, и окнами, до которых любой вор дотянутся с земли. Ходить по тёмным коридорам чердака, заглядывать в чёрные углы с вениками и коробками, топать посреди ночи в деревенский туалет — страшно. И не дай бог, дом отзовётся треском и стуком в одной из своих частей. Видеть сны — страшно. Они тут всегда вещие: в них приходят покойники и не стесняются в своих пророчествах.

Люди здесь чисто черти. Лучше обходить. Лучше послушать бабушку: держать фигу в кармане, и булавку прицепить на изнаночный шов головкой вниз, и водой заговорённой умыться, и к местной бабке-ведунье сходить очиститься от сглазов (святая вода, спички, слюна, полынь — на тебя и за порог). Поговаривают, ещё каких-то семьдесят лет назад холм за мостом назывался Ведьминой горкой (считалось, там жили колдуны и ведьмы, да и сейчас обитают где-то неподалёку, после смерти, но в какой форме — неясно). Поговаривают, на Русальную неделю рыбы с ума сходят (а то и не рыбы вовсе) — тянут всех неугодных в болота, омуты и на дно озера. Поговаривают, выжить здесь — в карельской глухии — можно, только если с природой сонастроиться и всё чудное подмечать.

А если чудное не видеть, то в глаза бьёт бедность и гниль. Местные спиваются, воруют, сидят за разбои и драки, работают в магазинах за недостойный на большей земле оклад, продают цветы у дороги, ездят на вахту на карьер с гранитом, топятся с горя.

Но что-что, а природа здесь роскошная. Так и заслушаешься звуками леса, заглядишься на рябь озера, пере-

каты чёрно-бронзовой реки, на ярко-зелёные болота, булыжники, покрытые то белым, то изумрудным мхом. Тут тебе и песчаные пляжи, и сосновый бор, и черничники (брусничники, голубичники, клюквенники, малинники), и уютные лесные озерца — местные их называют ламбушками. Нет-нет, да и ловишь себя на мысли: «Сказка. Всё брошу и перееду». Вот только бы не было так страшно.

Surmaspái ed pagene – «От смерти не убежишь»

вепсская пословица

*Бабушка, спасибо за чудеса в твоём доме,
деревне и на берегу твоего Онежского озера*

ГЛАВА 1

«ЗАВТРА УЖЕЧУ В СОЛНЕЧНОЕ ЛЕТО»

Гадюка, Колька-вор и алюминиевые «нольпяшки»

Это было лето 2008 года. Мне было шестнадцать лет. Я — Варя, белая кожа, белый сарафан, россыпь родинок на костлявых плечах — вышла в огород. Бабушка — рыжая копна коротких волос, глаза-голубики, покатое мягкое тельце. Она пронеслась по огороду в огромной соломенной шляпе. Папа — блестящая от пота загорелая спина, спортивные зелёные шорты, зачёсанные к затылку густые чёрные волосы. Он шумно рубил дрова за баней, нарушал деревенскую благодать.

Я ходила вдоль грядок от бани до туалета-пристройя и обратно. Мне не доверяли работу на земле и по хозяйству, да я и не сильно просилась. Я только-только сдала экзамены в музыкальной школе — начала растить ногти и всё, что ни делала руками, делала медленно, брезгливо, растопырив пальцы веером.

В наушниках пела Земфира*, я стучала по бедру в такт песни «Бесконечность». Представляла себя в городе — на настоящих каникулах, а не в этой карельской глухомани. Пере-бирала, во что бы играла на компьютере (конечно, в Sims). Кому бы написала в аське, какие тугие кудри накрутила бы на новые бигуди.

Мимо меня опять проскочила бабушка. Чуть не снесла алюминиевой лейкой и на бегу позвала пить чай. С калитками** — пшёnnыми, моими любимыми. Вот ведь ба, успела ещё и калиток напечь!

Я дёрнулась к дому, предвкушая хрустящие ржаные края, смазанные маслом, и нежную пшёnnно-сливочную начинку. Под свежий чай на колодезной воде — из блюдца. Глянула на папу. Он был увлечён рубкой — отлично. Я не хотела, чтобы он шёл с нами: опять бы ляпнула что-нибудь не то, опять бы мне влетело прямо за столом, и вот я снова дура.

Повернувшись к мосточкам, я заметила шевеление в траве — в метре прямо перед собой. Мышь? Не. Этот зверёк был больше, длиннее. Из травы блеснула чёрная матовая чешуя. Раз — и на пару миллиметров выше травы приподнялась чёрная голова. Гадюка.

Я тут же сорвала с себя наушники и завизжала. Визжала, пока не кончился воздух. Визжала звонко, протяжно. За это время живот успел прилипнуть к позвоночнику. Меня затошили. Я звенела, а змея, не реагируя на мой визг, всё так же скользила по зелени. Ускорилась только. А я представила, как эта дрянь заползает под бабушкин

* Минюст признал иноагентом.

** Калитки — открытые пирожки из ржаного пресного теста с начинками из ячменя, перловки, картошки и риса. Их готовят на территории Финляндии, Карелии и соседних северных областей. Традиционное блюдо карелов и вепсов.

дом. А потом со своим свеженьким десятком шнурков вылезает из-под досок и вонзает острые, переполненные ядом зубы в наши голые ноги, пока мы пьём чай на приступочке. Или нет — в наши тёплые липкие шеи, пока мы загораем на мосточках.

Нам конец.

— Ты чего визжишь?! — Бабушка, держа в руках по ведру, шагнула с веранды.

— Тут. Тут змея. Ползёт. В дом. — Я стояла на месте и следила, как двигается эта гадина: чёрная, склизкая, холодная, противная от острого кончика хвоста до маленьких гладких ноздрей.

Бабушка тут же бросила вёдра. Исчезла из виду. Раз, два, три, четыре. Меня потряхивало. А эта тварь как ни в чём не бывало прорезала траву своим телом-кнутом. Бабушка снова выскочила с веранды: она держала в руке здоровое полено. Замахнулась, шандахнула им в траву и побежала змее навстречу.

— Вот зараза! — крикнула ба. — Выжила, увернула голову. Но я ей хвост-то прижала. Тут она у меня. Вся тут. Шиш тебе, а не мой дом. Ишь чё, с ума посходили, повылезали из своих болот.

Бабушка огляделась по сторонам — подбежала к забору, схватила лопату и рубанула ей по змеиной шее.

Шум в ушах и стук в животе унимался. Я снова услышала, как папа отбивает топором медленный неровный ритм.

— Бабушка, ты её убила?

— Да, Варь, не бойся, иди. Ух, как я её, аж жить легче стало. Как будто похудела даже. Посмотри, не?

- Не.
- Знаешь, говорят у нас: убьёшь змею — с тебя минус один грех. Вот повезло. Выбираю чревоугодие: у нас там как раз гора хрустящих калиток на столе.

Я всё ещё не могла пошевелиться. Меня всё ещё подташнивало. Даже на миг показалось, что я разлюбила хрустящие калитки.

* * *

Это было моё первое утро в деревне — мы приехали накануне вечером.

Из года в год: жара за окном прогревала школьные стулья, записки под партой появлялись чаще, гулянки длились на час дольше, появлялся намёк на романтику и отношения с кем-то из одноклассников. Просыпалась какая-то жизнь — мы тут же ехали в карельскую деревню, и я обламывалась. Каждый год одно и то же. Только без мамы мы здесь были первый раз. И впервые столько разговоров про моё поступление и про то, что я должна по взрослеть и поумнеть. Фу.

Почти сутки за рулём красного «опеля» — папа не разговаривал: мы поругались прямо перед отъездом. Он опять завёл пластинку про юридический колледж. Опять заявил, что я маленькая, глупая и совсем не ценю, что у нас на двоих есть хотя бы его мозги.

Папа часто курил — прямо в форточку. Красивый, загорелый, в очках-авиаторах, он медленно выдыхал струи дыма, а я подсматривала за ним в переднее зеркало. Сама же слушала музыку на плеере, развалившись сзади.

Пытаясь перебить слабыми наушниками папин сборник с песнями 70-х и новости с чемпионата Европы по футболу.

Сосиски, хлеб, яйца, газировка «Крем-сода», печенье — пакет с едой лежал всю дорогу у меня под боком. Чтобы не тошило в дороге (я была слаба на это дело), ела по чуть-чуть. Жмакнула сосиску — ждала, когда расстает на языке. Отпила лимонад — покатала между зубами и только потом отпустила в горло. Папа не ел: держал под рукой только термос с горьким-горьким сладким-сладким кофе.

Чем дальше к северу, тем меньше машин мы встречали на дороге — и в нашу сторону, и навстречу. Берёзы, поля и широкие реки за окном сменялись на сосны, болота, озёра и шлюзы. Километров за сто до деревни асфальтированная дорога испарялась. Вместо неё — брёвна, скрипуче-трескучие мосты и грунтовка. Мы сильно просели в скорости, и теперь можно было «насладиться» Карелией и осознать, куда я еду. Красиво. Но я всё думала про то, как жутко было бы застрять на этой дороге, где, кроме нас, вот уже часа три не встречалось ни одной машины.

Пошли деревни. Снова пошёл асфальт. И вот перед глазами вырос ярко-жёлтый дом с синими причелинами (как журнальный), огромный клён и бабушка на приступочке. Я щёлкнула дверь, встала и шлётнулась вперёд — ободрала выпирающие на боках костяшки (после суток в дороге ноги не слушались, обмякли).

Понеслось: крепкие объятия, всхлипы, сумки и пакеты по комнатам, стопка халатов, полотенец и остывшая баня. И конечно, ломящийся стол: бабушкин холодец на куриных шейках, селёдка под сладковатой свекольной шубой,